

В. Н. Гончаренко

УМБЕРТО ЭКО О ВОЗМОЖНОСТИ СКАЗАТЬ «ПОЧТИ ТО ЖЕ САМОЕ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Вопросы, возникшие с появлением гипотезы лингвистической относительности, до сих пор продолжают вызывать дискуссии. Противники и сторонники гипотезы среди представителей различных направлений гуманитарного знания отстаивают свои позиции в зависимости от избранного аспекта видения. Не рассматривая специально позитивные и негативные стороны гипотезы, У. Эко все же останавливается на некоторых ее положениях, исходя из принципов практики перевода.

Ключевые слова: теория и практика перевода, система языка, текст, возможный мир, семиотическая система, смысл, интерпретация, переговоры.

Работа Умберто Эко «Сказать почти то же самое» может восприниматься как руководство по практическому переводу, в частности художественных произведений, поскольку дает очень большой объем информации, касающейся именно проблем теории и практики перевода. Однако у данной работы легко обнаруживается и другой план, связанный с ее полемической направленностью, возможно, не совсем явно выраженный. «Сказать почти то же самое» У. Эко в значительной степени оппонирует взглядам современных сторонников гипотезы лингвистической относительности, более известной под названием гипотезы Сепира – Уорфа.

К проблеме возможности перевода У. Эко подходит, во-первых, как специалист по практическому переводу (также он обобщил работы своих современников и предшественников), во-вторых, как автор ряда всемирно известных бестселлеров, переведенных на многие языки мира, в-третьих, как крупный ученый в области семиотики.

У. Эко объясняет свое обращение к проблеме перевода рядом обстоятельств, среди которых важное место занимает следующее: «В первой половине XX века и позже были выработаны такие теории структуры языка (или динамики языков), которые делали упор на явление радикальной невозможности перевода. Это крепкий орешек и для самих теоретиков, которые, разрабатывая эти теории, отдавали себе отчет, что на деле люди переводят, причем уже в течение тысячелетий» [1, с. 18]. Таким образом, для У. Эко проблема – возможен ли перевод с языка на язык – решена однозначно. Свою задачу он видит в том, чтобы объяснить, почему в принципе возможен перевод. В основе этого убеждения о возможности перевода – признание известного со времен Фердинанда де Соссюра факта: существует не только система языка, но и порождаемая при ее участии речь. «Оппозицию система/текст можно было бы заменить на соссюрскую язык/речь, и все осталось бы по-прежнему» [1, с. 57], указывает У. Эко в комментариях по поводу трансформации

смысла исходного текста (т. е. текста на языке оригинала) в текст перевода.

Процесс перевода с одного языка на другой У. Эко воспринимает как акт «переговоров»: «Здесь можно было бы спросить, каковы же договаривающиеся стороны в этом процессе переговоров. <...> с одной стороны, есть текст-источник со своими автономными правами, а порой и фигура эмпирического автора <...> с его возможными притязаниями на контроль, а также вся та культура, в которой рождается данный текст; с другой стороны, есть текст пребывания и та культура, в которой он появляется» [1, с. 19]. Таким образом, исходным пунктом перевода будет именно текст, а не система языка. Во время перевода происходит взаимодействие переводчика и читателя с конкретным текстом, а не с лингвистической системой. Причем имеется в виду не просто изолированный текст, но учитываются также его жанровые и стилевые особенности, характер дискурса, иными словами, то, что он «расположен» в некой серии однотипных по ряду признаков текстов и внетекстовых ситуаций.

Указывая, что в процессе перевода речь идет не о взаимодействии двух лингвистических систем разных языков, У. Эко обращает внимание, что переводят собственно текст: «Если бы перевод касался только отношений между двумя лингвистическими системами, следовало бы согласиться с теми, кто считал, что естественный язык навязывает говорящему на нем свое видение мира, что эти видения мира взаимно несоизмеримы друг с другом, и потому перевод с одного языка на другой неизбежно потерпит крах. Это было бы равносильно тому, чтобы вместе с Гумбольдтом сказать, что у каждого языка есть свой собственный гений – или, еще того лучше, что каждый язык выражает особое видение мира (так называемая гипотеза Сепира – Уорфа)» [1, с. 42].

Итак, в какой бы форме текст не был бы представлен, но всегда имеется в виду модель «возможного мира», т. е. ситуации, когда читатель

(переводчик в том числе) воспринимает текст как определенную целостность, соотносящуюся, с одной стороны, в его воображении и представлении с определенным сегментом реальности, а с другой – с классом текстов, имеющих определенные признаки и традиции передачи вербальной информации. Задача переводчика всегда состоит в том, чтобы из другой системы отобрать эквивалентные элементы языкового материала (и жанровой традиции), которые бы отражали «возможный» мир первичного текста, наложенный на «возможный мир» перевода: «Всякий текст (даже самая простая фраза) описывает или предполагает некий Возможный Мир» [1, с. 54]. Опыт перевода даже близкородственных языков (с учетом близости грамматического строя и культуры) говорит, что получится не то же самое, но «почти то же самое».

По мнению У. Эко, важнейшим моментом в практической деятельности переводчика является понимание первичного (исходящего) текста, который подлежит дальнейшей трансформации: именно этот процесс – выдвигание гипотезы о возможном мире и выработка конъектур и обнаружение смысла текста и его отдельных сегментов.

В основании понимания лежит, с одной стороны, «энциклопедия» переводчика, а с другой – осознание того, что «благодаря возможностям, предоставляемым лингвистической системой, совершается какая-либо передача вовне (звуковая или графическая), мы имеем дело уже не с системой, а с процессом формирования текста» [1, с. 57].

Если возможен перевод в пределах одной культуры из одной системы в другую, имеется в виду интерсемиотический и интралингвистический перевод в классификации Р. Якобсона, на которую У. Эко опирается, то интерлингвистический перевод не представляется чем-то особенным. Во всех случаях речь идет «почти о том же самом», но, как показывает практика, возвращение в обратном направлении происходит гораздо более успешно только в последнем случае. Бесспорно, чем ближе культуры (в пространстве и во времени), тем проще произвести трансформацию в прямом и в обратном направлении, которая бы сохраняла признаки исходного оригинала. Рассматривая взгляды Р. Якобсона и Ч. Пирса на проблему перевода, У. Эко фактически указывает, что в основании перевода с языка на язык лежит общечеловеческое свойство понимания (как интерпретации). В частности, ссылаясь на Ч. Пирса, он отмечает: «В согласии с наибольшей прагматикой принцип интерпретируемости утверждает, что наличие всякой более или менее уловимой «эквивалентности» значения двух выражений может быть обеспечено только тождественностью следствий, которые эти выражения в себе содержат или подразумевают. Что-

бы объяснить, что он хочет сказать, в том же контексте Пирс утверждает, что значение (meaning) в своем смысле – это перевод знака в иную систему знаков» [1, с. 272].

В работе У. Эко поднимаются многие проблемы, связанные с теорией и практикой перевода, например, перевод поэзии и прозы, перевод из одной художественной формы в другую (трансмутация), взаимоотношения диалекта и литературного языка при переводе, проблема перевода и развития (эволюции) языка (почему всякий раз необходимо переводить, например, Гомера, на более современный и понятный вариант языка, поймет каждый, кто читал «Илиаду» в переводе Гнедича).

Сторонники гипотезы лингвистической относительности, более известной как гипотеза Сепира – Уорфа, настаивают на том, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. При этом совершенно упускается из виду возможность «обратной связи»: ведь отсутствуют всякие препятствия, дающие возможность утверждать, что именно способ мышления и познания окружающего мира, являющийся продуктом деятельности во внешнем мире, влияет на грамматическую структуру языка (результаты этого влияния все могут наблюдать на протяжении последних столетий, когда, например, реагируя на внешние изменения, активно перестраивалась лексическая система, менялись предпочтения в словообразовании и синтаксисе). Очевидно, отношения между моделью мира и языком не являются ни однозначными, ни линейными, что доказывают, например, исследования исчезающих языков Сибири (см., например: [2]).

«Неэквивалентность» материала разных языков (всех возможных уровней языка) может преодолевать за счет соизмеримости в сфере деятельности: вспомним известное выражение о том, что с русского на английский можно адекватно перевести сообщение о том, что происходит на Марсе, если русские и американцы там побывают. А возможно ли осуществить перевод с русского или английского на язык народа, который находится на совершенно другом цивилизационном уровне развития, т. е. еще долго не сможет побывать на Марсе?

Иначе говоря, можно ли отрицать знаменитое утверждение У. В. О. Куайна о «невозможности перевода на язык какого-нибудь первобытного племени такую фразу, как «у нейтрино нет массы»» [1, с. 46]. В данном конкретном случае происходит простая подмена понятий: метаязык науки, в основе которого, например, современный английский, сравнивается с национальным языком, в котором отсутствует на данном этапе развития метаязык науки. Собственно, в процессе «перевода», как справедливо отмечают те, кто переводом занимается в силу практической необходимости, переводятся не

языки (с одной закрытой системы в другую закрытую систему), а переводятся тексты. Наверное, перевод с одного языка на любой другой теоретически все же возможен. Результат перевода связан как с гибкостью языкового материала и самой природой языкового знака, так и со свойством языка порождать метафору, символ и миф. Все же если попробовать осуществить перевод «масса нейтрино» на язык первобытного народа, занимающегося собирательством и охотой, то для начала будет необходимо трансформировать понятие о «нейтрино» в пределах английского языка до элементарного уровня восприятия некоего носителя английского, который по тем или иным причинам не смог пройти курс средней школы, а потом попробовать перевести этот элементарный уровень в представления первобытного племени. Возможно, что быстрая обратная трансформация понятий первобытного языка на английский оксфордский будет весьма затруднительна (если вообще возможна). Причиной трудностей обратного перевода будет неопределенность и размытость символических форм (однако же у первобытных народов мифология отражает и более сложные представления, чем «нейтрино», например космогонию). А с другой стороны, не следует забывать и фактор исторического развития языка, потому что объяснение свойств нейтрино было бы также крайне затруднено для современников Дунса Скотта.

В связи с этим интерес представляют взгляды Х. Патнема, названные В. А. Суровцевым и В. А. Ладовым «гипотезой об универсальном разделении лингвистического труда» [3, с. 8], относительно существования закрытых терминологических систем внутри отдельных языков, ведь именно в пределах нескольких таких терминологических систем и можно определяться с массой нейтрино.

Обращаясь к примеру У. В. О. Куайна по поводу массы нейтрино, У. Эко приводит и другие примеры «непроницаемости» и «несоизмеримости» элементов языковых систем даже тех языков, которые в определении Уорфа принадлежали к своеобразному общеевропейскому языковому экстракту (по

Уорфу, SAE): «Достаточно также напомнить, как трудно перевести понятие, выраженное немецким словом *Sehnsucht* (тоска): кажется, немецкая культура обладает точным понятием о таком чувстве, семантическое поле которого лишь частично может быть покрыто такими понятиями, как итальянское *nostalgia* или английское *yearning* (томление), *craving for* (тоска по чему-либо) или *wisfulness* (переполненность желанием) [1, с. 46].

Собственно историческому развитию и связанной с этим процессом проблеме перевода У. Эко тоже уделяет внимание. Он обращает внимание на факт, с которым столкнулись уже индийские грамматики, работавшие над ведийскими текстами на санскрите: невзирая на малую подвижность глубинного грамматического строя языка и базового слоя лексики, со временем накапливается столько отличий, что один и тот же язык делается недоступным для адекватного восприятия самих носителей. Требуется или дополнительный герменевтический акт – интерпретация с прояснением этимологии, или в прямом смысле «перевод» на современный вариант языка. В связи с этим возникает целый ряд конкретных вопросов, связанных с реальной практикой перевода. Среди них: как переводить тексты, имитирующие ранние периоды развития языка, как переводить архаичные тексты, почему возникает ситуация, когда переведенный ранее текст опять требует повторного перевода, потому что образовался языковой и культурный разрыв во времени (У. Эко – противник упрощенных модернизаций, которые лишают текст эстетической ценности и связи со смыслом).

Итак, вопреки всем существующим обстоятельствам, связанным с тем, что при переводе как процессе «истолкования и трансформации реальных и возможных миров в переводимых книгах» мы исходим «из заранее готовой семиотической системы, которую выстроили для нас общество, история, воспитание» [1, с. 422], перевод все же возможен. Возможен потому, что разные семиотические системы, по меткому выражению У. Эко, могут быть несоизмеримы, но сопоставимы.

Список литературы

1. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. Санкт-Петербург: Symposium, 2006. 574 с.
2. Фильченко А. Ю. Из опыта ареального анализа хантыйских, селькупских и чулымских диалектных данных // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 148–155.
3. Суровцев В. А., Ладов В. А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 134 с.

Гончаренко В. Н., кандидат филологических наук.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: markgon73@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

V. N. Goncharenko

**HUMBERTO EKO ABOUT THE POSSIBILITY TO TELL “ALMOST SAME” IN THE CONTEXT
OF THE LINGUISTIC RELATIVITY THEORY**

The questions, which have been raised with the linguistic relativity hypothesis, continue discussions. Opponents and supporters of the hypothesis defend the positions depending on the chosen aspect of vision. Without considering specially positive and negative sides of the hypothesis, Eko nevertheless stops on some provisions, proceeding from the principles of the translation's practice.

Key words: *theory and translation's practice, language system, text, possible world, semiotics system, sense, interpretation, negotiations.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: markgon73@rambler.ru